

Научная статья

УДК 821.222.1

doi: 10.47475/1994-2796-2024-489-7-129-136

Феномен собирания мудрости в книге Л. Н. Толстого «Круг чтения» (1905): афористическое наследие Саади

Марина Львовна Рейснер

Институт стран Азии и Африки МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия, marinareys@iaas.msu.ru, 0000-0002-0592-6334

Аннотация. Статья посвящена концепции собирания мудрости, нашедшей последовательное воплощение в сочинении Льва Николаевича Толстого «Круг чтения» (1905), в котором нашли место «мысли мудрых людей», собранные русским писателем из разновременных и разноязычных источников. Основной целью исследования является выяснение идейно-тематических оснований, на которых Л. Н. Толстой осуществлял выбор цитат из произведений одного из корифеев персидской классической литературы Саади Ширази (нач. XIII в. – 1292 г.). В статье показано, что сам феномен собирания мудрости мира имеет длительную историю в ряде древних и средневековых словесных традиций Востока, в том числе и в персидской литературе периода её наивысшего расцвета (X–XV вв.). Для этого в статье даётся краткий анализ произведений, построенных на предании об Искандере (Алекサンドре Великом), в сюжете которых мотив странствия в поисках сокровенных знаний постепенно формируется в качестве смыслового ключа к повествованию. Идея использования накопленных знаний во имя совершенствования человека и на благо общества, присущая творчеству Саади, религиозного наставника и светского моралиста, пронизывает всю его концепцию воспитания. Именно её гуманистический вектор и общечеловеческий смысл предопределил выбор Л. Н. Толстым афоризмов Саади для «Круга чтения». Афористическая мудрость Саади привлекла русского писателя, поскольку его собственная книга была задумана и написана в помощь личности на пути её самовоспитания в духе любви к Богу и Человеку, истинной Веры и нравственной чистоты.

Ключевые слова: Л. Н. Толстой, Саади Ширази, персидская классическая литература, собирание мудрости, афоризм, самовоспитание

Для цитирования: Рейснер М. Л. Феномен собирания мудрости в книге Л. Н. Толстого «Круг чтения» (1905): афористическое наследие Саади // Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 7 (489). С. 129-136. DOI: 10.47475/1994-2796-2024-489-7-129-136.

Original article

THE PHENOMENON OF COLLECTING WISDOM IN L. N. TOLSTOY'S BOOK “READING CIRCLE” (1905): THE APHORISTIC LEGACY OF SAADI

Marina L. Reysner

The Institute of Afro-Asian Studies, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, marinareys@iaas.msu.ru, 0000-0002-0592-6333

Abstract. The article is devoted to the concept of collecting wisdom, which was consistently embodied in the work of Leo Tolstoy “Reading Circle” (1905), in which the “thoughts of wise people”, collected by the Russian writer from diverse and multilingual sources, found a place. The main purpose of the study is to clarify the ideological and thematic grounds on which L. Tolstoy carried out the selection of quotations from the works of one of the luminaries of Persian classical literature – Saadi Shirazi (the beginning of the 13 cen. – 1292). The article shows that the phenomenon of collecting the wisdom of the world itself has a long history in a number of ancient and medieval literary traditions of the East, including in Persian literature during the period of its highest development (10–15 cent.). For this purpose, the article provides a brief analysis of works based on the legend of Iskander (Alexander the Great), in the plot of which the motive of wandering in search of hidden knowledge is gradually formed as a semantic key to the narrative. The idea of using accumulated knowledge in the name of human perfection and for the benefit of all society, inherent in the work of Saadi, a religious mentor and secular moralist, permeates his entire

concept of education. It was its humanistic vector and universal meaning that predetermined L. Tolstoy's choice of Saadi's aphorisms for the "Reading Circle". Saadi's aphoristic wisdom attracted the Russian writer, since his own book was conceived and written to help a person on the path of self-education in the spirit of love for God and Human, true Faith and moral purity.

Keywords: Leo Tolstoy, Saadi Shirazi, Persian Classical Literature, collecting of wisdom, aphorism, self-education

For citation: Reysner ML. The phenomenon of collecting wisdom in LN Tolstoy's book "Reading circle" (1905): the aphoristic legacy of Saadi. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2024;7(489):129-136. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2024-489-7-129-136.

История вопроса

В 1991 г. в издательстве «Политическая литература» было осуществлено первое переиздание книги Л. Толстого «Круг чтения», в котором автору данной статьи довелось быть одним из участников этой публикации: в разделе «Комментарии», включавшем подраздел «Источники "Круга чтения"» нами были описаны арабские и персидские источники [8, с. 328–330].

Прижизненное издание этой книги стало единственным и состояло из первого тома и двух полутомов, увидевших свет, соответственно, в феврале, июле и октябре 1905 г. Работа над второй редакцией была продолжена автором, однако публикация её не состоялась, поскольку известный издатель Сытин, не разделявший антицерковные взгляды Л. Толстого, опасался судебного процесса. Опасения были не напрасны: когда в 1910 г. издательство «Посредник» напечатало ещё один тираж первой редакции книги, его руководитель И. И. Горбунов-Посадов был предан суду и приговорён к заключению на год. Это, возможно, и послужило причиной столь долгого забвения уникального труда великого русского писателя.

Толстой задумал это произведение как душеполезное чтение на весь годовой круг. Вот что писал сам Лев Николаевич в авторском предисловии к этой книге: «Мысли, собранные здесь, взяты мною из большого количества сочинений и сборников мыслей... Часто я переводил мысли авторов не с подлинников, а с переводов на другие языки, и потому мои переводы могут оказаться не вполне верны подлинникам. Другая причина, по которой мысли эти не могут вполне соответствовать подлинникам, в том, что, выбирая часто отдельные мысли из рассуждения, я должен был для ясности и цельности впечатления, выпускать некоторые слова и предложения и иногда не только заменять одни слова другими, но и выражать мысли вполне своими словами, так как *цель моей книги состоит* не в том, чтобы дать точные словесные переводы писателей, а в том, чтобы, воспользовавшись великими пло-

дотворными мыслями разных писателей, дать большому числу читателей доступный им ежедневный круг чтения, возбуждающий лучшие мысли и чувства». Заявленная цель книги приводит автора к закономерному выводу: «Я желал бы, чтобы читатели испытали при ежедневном чтении этой книги то же благотворное, возвышающее чувство, которое испытывал я при её составлении...» [8, с. 18].

При всем разнообразии, внешней неоднородности материала, составляющего сложную ткань книги, у неё есть обозначенное Толстым и скрепляющее все мозаику разновременных и разноязычных цитат ключевое слово, которое несколько раз повторяется в приведённом фрагменте предисловия. И это ключевое слово — мысль. Первоначальный вариант книги, изданный в 1903 г., носил название «Мысли мудрых людей на каждый день». В любом случае перед нами упорядоченное собрание, призванное представить все эти разрозненные мысли как целостную концепцию самовоспитания человека посредством постижения мудрости, накопленные в течение веков в разных частях мира. Помимо основного названия книга имеет подзаголовок «Избранные, собранные и расположенные на каждый день Львом Толстым мысли многих писателей об истине, жизни и поведении». Таким образом, задачу свою Л. Н. Толстой видел в том, чтобы эту накопленную мировую мудрость сделать доступной своим читателям.

В отличие от большинства подобных книг, построенных на тематической рубрикации материала, упорядоченность «Круга чтения» определена измерением годового времени: в ней представлен каждый месяц, разделённый на недели и дни. В начале каждой недели путём приведения какой-либо цитаты задаётся направление всему недельному чтению; в свою очередь каждый день недели имеет свой заголовок, определяющий тематику включенных «мыслей». Некоторые заголовки повторяются в днях разных месяцев: «Божественная природа души», «Устройство жизни», «Свобода», «Совесть», «Вера»,

«Разум», «Любовь» и некоторые другие. Очевидно, что заголовки представляют собой своего рода смысловые ключи, определяющие общий пафос всей книги. Это своего рода периодическая таблица элементов самосовершенствования человека на основах духовности и нравственности, которую веками вырабатывали мировая назидательная литература и философия. Композиционное построение на основе годового круга продиктовано основной задачей книги — дать каждому читателю твёрдую опору в его каждодневном стремлении к самовоспитанию.

Комментарии филологов к переизданию «Круга чтения», представлявших разные специальности, до настоящего времени являются единственной попыткой научного описания этого своеобразного сочинения великого писателя.

Постановка проблемы

В настоящей статье предпринимается первая попытка на основании анализа состава цитат из произведений средневекового персидского поэта-классика и моралиста Саади Ширази (нач. XIII в. – 1292), включенных Л. Н. Толстым в «Круг чтения», выявить идейные побуждения, руководившие великим русским писателем при выборе его «мудрых мыслей» для своего самоучителя нравственности.

Материалы и методы исследования

Поскольку в статье обсуждается концепт собирания мудрости, лежащий в основе сочинения Л. Н. Толстого, то материалом исследования служат не только цитирования Саади в «Круге чтения» и их оригинальные версии в персоязычных источниках. К анализу привлечены также произведения, созданные в классической персидской литературе основе восточных версий предания об Искандере (Алекサンドре Великом), в которых тема постижения сокровенной мудрости мира является одним из сюжетных стержней.

По причине жарового своеобразия труда Л. Н. Толстого для понимания его концептуального фундамента было необходимо использование сравнительного, историко-генетического и, наконец, историко-функционального метода, призванного выявить трансформацию предметной идейно-содержательной структуры традиционных жанровых моделей во времени и пространстве. Для этого к анализу кроме сочинений Саади привлечены дополнительные источники.

Результаты исследования и их обсуждение **Собирание мудрости как феномен словесной культуры традиционного Востока**

Жанр этого сочинения Л. Н. Толстого не имеет аналогов в русской литературе, однако на древнем и средневековом Востоке, куда обращал свой творческий взгляд писатель, работая над «Кругом чтения», такого рода философские, назидательные и нравоучительные книги — не редкость. Эти сочинения располагались в широком жанровом спектре — от мифологических сводов, Священных писаний и философских трактатов до художественных произведений. Они могли приписываться легендарным или историческим личностям (пророкам, философам, мудрецам), таким как Заратуштра, Соломон, Лао-Цзы и др., могли в результате беллетризации древних преданий переходить вместе с их героями в литературу. По словам известного отечественного востоковеда А. И. Шифмана: «...философскую мысль Толстого роднили с некоторыми учениями Востока отдельные черты его религиозно-нравственной доктрины, особенно постулаты о моральном совершенствовании человека» [10, с. 19].

В сонме восточных мудрецов, приведённых авторской волей Толстого из разных эпох и разных частей мира, одно из почётных мест занимают персы. Этот перечень состоит в основном из имён корифеев персидской классической литературы. Среди них представители мистической поэзии, великие поэты-суфии Фарид ад-Дин Аттар (XII в.) и Джалалад-Дин Руми (XIII в.). Входит в их число и философ и математик, автор всемирно известного «Рубайата» Омар Хайям. Есть среди них и неподражаемый лирик Шамс ад-Дин Мухаммад Хафиз (XIV в.) (в русской передаче — Гафиз), ставший символом боговдохновенного певца в европейской и русской романтической поэзии. Однако из всех поэтов, славных своей мудростью и красноречием, пальму первенства в своём «самоучителе нравственности» Лев Толстой, несомненно, отдал Саади (XIII в.), ощутив сквозивший в его афоризмах темперамент учителя-наставника. В этом смысле выбор Толстого нельзя назвать случайным. В классической персидской литературе, отличавшейся жанровым разнообразием, дидактико-философские и нравоучительные сочинения занимали особое место. В этой части литературного небосклона средневекового Ирана Саади, несомненно, был звездой первой величины.

Как отмечено ранее, сама идея собирания воедино мудрости в разных сторонах света не нова.

Примеры такого обращения с предшествующей традицией имеются даже в литературных сюжетах. К ним и следует обратиться, поскольку Л. Н. Толстой, нередко отходя от «буквы» цитируемых им источников (как он сам подчеркивал), интуитивно очень точно передавал их «дух». Поэтому прежде чем перейти непосредственно к характеристике цитат Саади в «Круге чтения», попытаемся понять, каким образом концепт собирания мудрости отражён в самой литературе персов. Обратимся непосредственно к сюжету, в котором он составляет одну из важнейших идейно-содержательных скреп. Это важно хотя бы потому, что предшествующая литературная и в первую очередь поэтическая традиция формировала взгляды Саади как поэта и как моралиста.

В XII в. признанный гений персидской классической поэзии, великий Низами, в своей поэме «Искандер-наме» описал жизнь Александра Македонского не только как историю его воинских побед и завоевания чужих земель, но и как странствие в поисках сокровенной мудрости мира.

Уже у предшественника Низами, великого Фирдоуси, сложившего на рубеже X и XI вв. грандиозную национальную эпопею иранцев «Шах-наме», Искандер, включённый в череду законных правителей Ирана от сотворения мира до арабского нашествия, отличается от прочих шахов. Греческий полководец предстаёт не только как покоритель мира, но и как неумолимый путешественник, искатель приключений, любознательный наблюдатель чудес света, хитроумный переговорщик и дипломат. Фирдоуси в создании образа Искандера исходил не из позиции иранской историографии эпохи династии Сасанидов (правили 224–661 гг.), в которой тот считался злейшим врагом и разорителем иранских земель. Автор эпопеи опирался на арабскую трактовку греческих сказаний об Александре, в первую очередь на предание о Зу-л-Карнайне («Двурогом»), вошедшее в суру Корана «Пещера» (Ал-Кахф) (18: 83–97) [2, с. 270–271]. Мусульманская комментаторская традиция накрепко связала Зу-л-Карнайна с македонским царём-воителем, наделив его статусом близким к пророкам. О почитании этого героя свидетельствуют посвященные Зу-л-Карнайну разделы популярных беллетризованных комментариев к Корану, имеющих общее название «Истории пророков». Эти сочинения составлялись как на арабском, так и на персидском языке. В персидском труде такого типа, составленном на рубеже XII и XIII вв. Абу Исхаком Нишапури, Зу-л-Карнайн прямо ассоциируется с Искандером [1, с. 322].

Низами, развивая религиозно-мистическую линию в интерпретации образа Искандера, превращает героя из любознательного путешественника в странствующего мудреца, собирателя сокровенных знаний. В своём варианте изложения известной истории автор поэмы придаёт повествованию о странствиях Искандера по миру философский и назидательный смысл. Маршруты завоевательных походов, описанные в первой части «Искандер-наме», повторяются во второй части, когда герой проходит теми же путями в поисках вселенской мудрости. Беседы с великими греческими философами о Творении мира завершают сюжетную часть книги, в которой рассказано также о ниспослании Искандеру пророческого дара. Все дарования свыше Искандер получает, чтобы в мире были установлены законы добра и справедливости. Под пером Низами известный сюжет обретает черты философского романа с ярко выраженной дидактической составляющей. Очевидно, что такая интерпретация образа центрального героя у Низами связана с влиянием мистических идей суфизма, использованных для обоснования концепции идеального правителя, устроителя мирового порядка.

После Низами в XV веке ещё один корифей персидской классической литературы Абд ар-Рахман Джамшид, сложивший поэму на тот же сюжет, назвал её «Книгой мудрости Искандера», подчеркнув именно нравоучительный и этико-дидактический пафос пересказанной им заново истории.

Саади, глубоко погружённый в религиозно-мистическую традицию суфизма и опиравшийся на неё в построении своей общедоступной морально-этической концепции, поставил своей целью адаптировать накопленный предшествующий опыт для повседневной жизни каждого человека с целью его духовного самосовершенствования.

Таким образом, идея собирания мудрости ради совершенствования человека и для пользы человечества в высшей степени характерна для той литературной традиции, к которой столь часто обращался Л. Н. Толстой в своей книге «Круг чтения».

Теперь нам предстоит ответить на вопрос, чем конкретно наследие Саади привлекло русского писателя XIX – начала XX вв.

На наш взгляд, универсальное общечеловеческое ядро концепции человека у Саади становится основным стимулом для Толстого при выборе цитат для «Круга чтения». Наставления Саади адресованы не узкому сообществу посвящённых мистиков, а каждому человеку.

Уже в январском чтении на день четвертый под номером пять мы находим в пересказе Толстого такое утверждение средневекового персидского моралиста: «Все дети Адама — члены одного тела. Когда страдает один член, все другие страдают. Если ты равнодушен к страданиям других, не заслуживаешь ты названия человека» [8, с. 24].

Перед нами цитата из прозапоэтического произведения Саади, названного им «Гулистан» («Цветник», «Розарий»). Это одно из популярнейших нравоучительных сочинений, сложенных на классическом персидском языке. Самое известное подражание этому произведению создал в XV в. тот же Абд ар-Рахман Джами, назвав его «Бахаристан» («Весенний сад»). «Гулистан» имел широкое хождение в ареале влияния персидской классической литературы, и его стали переводить на другие языки мусульманского мира ещё в средние века.

В оригинале приведённая Толстым цитата — это стихотворный текст, включённый в главу первую «Гулистана» «О жизни царей».

*«Сыны Адама — спаянные друг с другом члены
[одного тела],*

Ибо сотворены из одной сущности.

*Если одному из членов Господь посылает
болезнь,*

Другие члены не могут оставаться в покое.

*О ты, кого не печалит страдания других, —
Нельзя тебя назвать человеком!» [5]*

Чтобы понять, почему именно Саади стал наиболее цитируемым автором в «Круге чтения», следует дать краткую характеристику самой его личности и той роли, которую он сыграл в классической персидской литературной традиции. Он жил и творил в драматический век монгольского нашествия на иранские земли. Восточные области (Хорасан и Мавераннахр) первыми подверглись разорению, и центры культурной жизни переместились на запад, в Тебриз, Шираз, Исфахан. Родившийся в Ширазе Саади, ещё в юности надолго покидает родной город. Он поступает в знаменитую багдадскую высшую духовную школу — медресе *Низамийа*¹, получив там стипендию, но не завершив образования, пускается в странствия по арабскому Востоку. Он зарабатывает себе на хлеб устными выступлениями, ведя образ жизни странствующего суфийского проповедника, дервиша. Авантюрные приключения Саади

(плен у крестоносцев, женитьба на злонравной дочери купца из Алеппо, который выкупил его из плена, побег от жены вместе с малолетним сыном и т. д.) могли бы стать увлекательным повествованием в жанре травелога, «книги путешествия». Однако сочинитель использовал свой опыт как основу для назидательных анекдотов и притч «Гулистана», в котором проза сочетается с изящными по форме и отточенными по смыслу стихотворными вставками. Это было несомненной авторской новацией Саади. Естественно, что в целом ряде притч появлялись и персонажи Священной истории ислама (Муса, Иса, Йусуф, пророк Мухаммад и др.), и великие мудрецы (арабский мудрец Лукман), и ставшие героями легенд и преданий правители династии Сасанидов (Ардашир Папакан, Хосров Ануширван, Бахрам). Это было предопределено традицией дидактических жанров, сформировавшейся в персидской литературе в мусульманский период.

После возвращения на родину Саади быстро обрёл славу наставника мистиков-суфиев и учителя поэтов. Популярность Саади как искусного стихотворца и покровительство со стороны правящей династии провинции Фарс, центром которой был Шираз, способствовали его прижизненной славе.

Саади удивительным образом сочетал талант дидактика и тонкого лирика, что позволило ему создать шедевры назидательной литературы — проза-поэтический «Гулистана» («Цветник») и поэтический «Бустан» («Плодовый сад»), с одной стороны, и гармоничные газели, точные зарисовки человеческих отношений и чувств, с другой. Но в первую очередь Саади — мастер отточенного и мудрого афоризма (хикмат). Изречения Саади стали крылатыми выражениями и пословицами, бытующими до сих пор наряду с народными поговорками. Афоризмы и максимы щедро представлены в его морально-этических сочинениях, их поэтические аналоги разбросаны и в газелях, что среди прочего создало их неповторимый индивидуальный колорит, присущий лирике Саади.

Главным источником цитирований для Толстого послужил именно «Гулистан», переведённых к тому времени на европейские языки. По-видимому, не только само содержание, гуманистическая направленность и общечеловеческая мудрость, заключённая в этом произведении, но и смысловая ясность изречений Саади, не теряющаяся даже в переводах и вольных переложениях, привлекла внимание Льва Николаевича. Именно краткие афоризмы составляют большую часть цитат из Саади в «Круге чтения».

¹ Медресе *Низамийа* — группа учебных заведений, которые основал в XI в. визир династии Сельджукидов (правили 1037–1194 гг.) Низам аль-Мульк в крупных городах государства (Багдаде, Нишапуре, Балхе, Герате и Исфахане).

Всего этих цитирований четырнадцать, и это по преимуществу именно краткие афоризмы, хотя есть и небольшие рассказы-притчи.

На какие темы рассуждает Саади в «Гулистане», можно судить по заголовкам отдельных глав: «О жизни царей», «О нравах дервишей», «О преимуществе довольства малым», «О пользе молчания», «О любви и молодости», «О признаках старости», «О влиянии воспитания», «О правилах общения» и т. д. Вся морально-этическая концепция «Гулистана» построена на основании тех поведенческих норм, которые выработали в ходе своей религиозной практики мусульманские мистики — суфии, создав концепцию «совершенного человека» (*инсан ал-камил*) как венца Творения [3, с. 101]. При этом суфийским поведенческим нормам Саади в своих назидательных сочинениях стремился придать гораздо более широкий и универсальный смысл, адресуя свои наставления не посвящённым мистикам, а максимально широкой аудитории. Как светский моралист он поставил цель распространить этическое учение суфиев, диктующие определённые нравственные требования в области совершенствования личности, на сообщество «мирских людей» независимо от их положения в духовной и социальной иерархии. Он счёл моральные законы, выработанные его предшественниками (и религиозными мыслителями, и поэтами), применимыми к любому человеку в житейской реальности, начиная с царя и кончая нищим дервишем, начиная с юноши и кончая старцем. Саади суммировал эти исходно сложные философско-религиозные постулаты в художественно совершенной и одновременно простой и общепонятной форме.

Саади принадлежит неологизм *адамийат* («человечность», «совокупность качеств человека»). Устойчивое противопоставление «мистика, познавшего Истину» и «невежды», распространённое в суфийской мистико-дидактической традиции, заменено у Саади противопоставлением человека (*адам*), наделённого разумом, даром речи и способностью к различению добра и зла, и животного (*хайван*), руководимого лишь инстинктами и потребностями плоти (еда, сон, размножение, борьба за выживание). Кроме перечисленных дарований Аллаха человеку как венцу Творения, по утверждению суфиев, от природы сыны Адама были наделены способностью любви к Богу, т. е. способностью отвечать на Его любовь. Эти мысли средневековый поэт-наставник высказывал не только в назидательных сочинениях, но и в лирических стихах, газелях.

Так, в одной из газелей Саади выразил радикальное противопоставление человека и животного в таких словах:

*«Мы живы поминанием [имени] Друга
[т. е. Бога — прим. М. Р.]¹,
Все другие предстанут животными
в Судный день»* [6].

В другой газели поэт утверждает, что внешний облик не является достаточным признаком человека. Если тот не имеет всей совокупности внутренних духовных качеств, которые Саади определяет как признаки человека, то он оказывается демоном (дивом), носителем зла:

*«Не всякий, кто имеет глаза, уши и рот,
является человеком,
Как много демонов принимают облик
сынов Адама»* [7].

По мысли Саади, только человек, венец божественного Творения, способен к самосовершенствованию, только ему дана возможность двигаться по лестнице мироздания — он может подняться до божественных высот, но он же способен пасть так низко, что уподобится дикому зверю или демону. Общий назидательный и морально-этический пафос «Гулистана» близок Л. Н. Толстому, который, как и Саади, верил в возможности самовоспитания человека на путях нравственности и духовности, любви к Богу и ближнему, осознанного следования заповедям добра и справедливости.

В заключении целесообразно обратиться непосредственно к примерам афоризмов Саади, которые выбрал Л. Н. Толстой для «Круга чтения», чтобы понять, что они значили для русского писателя и каким его собственным мыслям соответствовали. Для этого, подобно Толстому, мы предпримем попытку подобрать для этих цитат слова-ключи, раскрывающие их смысл в жизни каждого человека.

1) **[Разум].** *«Глупому человеку лучше всего молчать. Но если бы он знал это, он не был бы глупым человеком»* [8, с. 116].

2) **[Слово].** *«Прежде думай, потом говори! Остановись, прежде чем тебе скажут: «Довольно». Человек выше животного способностью речи, но он ниже его, если делает не должное употребление из неё»* [8, с. 395].

3) **[Свобода].** *«Как ни прекрасна одежда, жолованная царём, своя грубая одежда лучше, как*

¹ Бог (Истина, Абсолют) в персидской мистической поэзии суфиев аллегорически представлялся как Возлюбленный (*йар, дуст*). Опыт общения мистика с божественным миром описывался средствами любовной лирики. Поминание Бога (*зикр*) — традиционный ритуал, связанных с перечислением имён Аллаха, содержащихся в Коране.

ни вкусны яства богатых, лучшие кусок хлеба со своего стола» [8, с. 188].

4) **[Жадность]**. «Если бы не жадность, ни одна птица не попала бы в сети. На эту приманку ловят и людей. Брюхо — это цепь на руки и кандалы на ноги. Раб брюха — всегда раб. Хочешь быть свободен — прежде всего освободи себя от брюха. Ешь для того, чтобы утолить голод, а не для того, чтобы получить удовольствие» [8, с. 127].

5) **[Тщеславие]**. «Тот, кто хвалится, ничего не видит, кроме себя. Лучше бы ему быть слепым, чем видеть только себя» [8, с. 128].

6) **[Знание]**. «Кто приобретает знания, но не пользуется ими, подобен тому, кто пашет, но не сеет» [8, с. 415].

7) **[Кротость]**. «Противопологай кротость развращенности: острый меч не разрезает мягкий шелк. Нежными словами и добротой можно на волоске вести слона» [8, с. 144].

8) **[Вера]**. «Царь спросил святого человека: думаешь ли ты обо мне? Святой отвечал: думаю, когда забываю Бога» [9, с. 122].

9) **[Добро]**. «Тот, кто не делает добро, когда имеет возможность делать его, будет страдать» [9, с. 191].

Заключение

Очевидно, что выбранные Л. Н. Толстым сентенции и афоризмы Саади обладают общечеловеческим смыслом, не утратившим своего значения с тех пор, как они были изречены персидским поэтом и моралистом в XIII в.

Список источников

1. Абу Исхак Нишапури. Кисас ал-анбийа (Истории пророков). Изд. Х. Йагмаи. Тегеран: издательство «Элми ва Фарханги», 1340 (2004). 490 с. (На перс.).
2. Коран. Перевод с арабского и комментариев М.-Н.О. Османова. Изд. 3-е, переработ. и дополн. М.-СПб.: Изд. «Диля», 2013. 575 с.
3. Кныш А.Д. Ал-инсан ал-камил. Ислам. Энциклопедический словарь. М.: Наука, Глав. ред. восточной литературы, 1991. С. 101.
4. Низами Гянджеви. Искандер-наме. Пер. с фарси и комм. Е. Э. Бертельса и А. К. Арендса. Баку: Изд. «Элм», 1983. 590 с.
5. Саади. Гулистан. URL: <https://ganjoor.net/saadi/golestan/gbab1/sh10> (дата обращения: 19.07. 2024). (На перс.).
6. Саади. Диван (Собрание стихов). URL: <https://ganjoor.net/saadi/divan/ghazals/sh303> (дата обращения: 19.07. 2024) (На перс.).
7. Саади. Диван (Собрание стихов). URL: <https://ganjoor.net/saadi/divan/ghazals/sh76> (дата обращения: 19.07. 2024) (На перс.).
8. Толстой Л. Н. Круг чтения. Сост., предисл. А. Н. Никольюкина. Т. 1. М.: Изд. политической литературы, 1991. 478 с.
9. Толстой Л. Н. Круг чтения. Сост., предисл. А. Н. Никольюкина. Т. 2. М.: Изд. политической литературы, 1991. 399 с.
10. Шифман А. И. Лев Толстой и Восток. Изд. 2-е, исправ. и дополн. М.: Наука, Глав. ред. восточной литературы, 1971. 551 с.

References

1. Abu Ishak Nishapuri. Qisas al-anbiya = The Stories of Prophets. Ed. H. Yaqmai. Tehran: Publishing Group “Elmi va Farhangi”; 1392 (2004), 490 p. (In Pers.).
2. Koran. Perevod s arabskogo i kommentarij M-NO Osmanova = The Quran. Translation from Arab and comment by M-NO Osmanov. M.-S.P.: “Dilya” Publishing House; 2013, 576 p. (In Russ.).
3. Knysh AD. Al-insan al-kamil. Islam. Entsiklopedicheskii slovar’ = Al-insan al-kamil. Islam. Encyclopedical Dictionary. M.: Nauka Publ., Glavnaia redaktsiia vostochnoi literatury Publ.; 1991, 101 p. (In Russ.).
4. Nizami Gjandzhevi. Iskander-name. Perevod s farsi i kommentarii EJe Bertel’sa i AK.Arendsa = Iskander-name / Translation from Farsi and comment by EJe Bertel’s and AK Arends. Baku: Elm Publishing House; 1983, 590 p. (In Russ.).
5. Saadi. Golestan. Available from: <https://ganjoor.net/saadi/golestan/gbab1/sh10> (accessed: 19.07. 2024). (In Pers.).
6. Saadi. Divan (Collection of Verses). Available from: <https://ganjoor.net/saadi/divan/ghazals/sh303>(accessed: 19.07. 2024) (In Pers.).
7. Saadi. Divan (Collection of Verses). Available from: <https://ganjoor.net/saadi/divan/ghazals/sh76> (accessed: 19.07. 2024).
8. Tolstoj LN. Krug chteniya. Sost., predisl. AN Nikolyukina. T. 1. M.: Izdatel’stvo politicheskoy literatury = Tolstoy LN. Reading circle. Vol. 1. Ed. and preface by Nikolyukin AN. M.: Nauka Publ., Glavnaia redaktsiia vostochnoi literatury Publ.; 1991, 478 p. (In Russ.).
9. Tolstoj LN. Krug chteniya. Sost., predisl. AN Nikolyukina. T. 2. M.: Izdatel’stvo politicheskoy literatury = Tolstoy LN. Reading circle. Vol. 2. Ed. and preface by Nikolyukin AN. M.: Nauka Publ., Glavnaia redaktsiia vostochnoi literatury Publ.; 1991, 399 p. (In Russ.).
10. Shifman AI. Lev Tolstoj i Vostok. Izd. 2-e, ispravlennoe i dopolnennoe. M.: Nauka, Glavnaya redakciya vostochnoj literatury = Shifman AI. Leo Tolstoy and the East. M.: Nauka Publ., Glavnaia redaktsiia vostochnoi literatury Publ.; 1971, 551 p. (In Russ.).

Информация об авторе

М. Л. Рейснер — доктор филологических наук, профессор.

Information about author

M. L. Reysner — Doctor of Philological Sciences, Professor.

Статья поступила в редакцию 25.07.2024; одобрена после рецензирования 15.08.2024; принята к публикации 20.08.2024

The article was submitted 25.07.2024; approved after reviewing 15.08.2024; accepted for publication 20.08.2024.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.